

Алексей Евтушенко

ВРЕМЯ ЖИЗНИ

Алексей Анатольевич Евтушенко

Время жизни

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57128703
Время жизни: Де'Либри; Москва; 2020
ISBN 978-5-4491-0651-3

Аннотация

В книгу поэта и писателя Алексея Евтушенко «Время жизни» вошли лучшие стихотворения разных лет. Также в книгу включено произведение особого жанра – либретто к рок-опере «Жанна», написанное в 2019 году.

Содержание

Нормальное лето	6
В Ленинграде	8
Агорафобия	9
Вольница	10
«Где-то на земле в глухом углу...»	12
«Полгода до весны. Погода до апреля...»	13
«Неподалёку от зимних мест...»	14
Предчувствие войны	15
«На кухоньке уютной мы сидим	16
«Не в осени дело, не в трезвости счастье...»	18
Вечер во Львове	19
Осень-93	21
«Последняя осень тысячелетья...»	23
«Над рекой под названием Осень...»	24
«Под куполом клёна от листьев светло...»	25
Хорошая репродукция Сикстинской мадонны	26
Утро	27
«Ну что, мой друг, устал?..»	28
«Я видел Босфор. И святая София...»	29
«Я не беру обратный билет...»	31
У озера	32
«Когда деньгам приходит жопа...»	33
Два двестишия	34

Урок исторического материализма	35
Воспоминание о Солнечной Долине	36
«Спасибо, Господи, за день...»	37
«Кто пришёл, тот и будет жить...»	38
Жене	39
«Стиль уже мне не изменить...»	40
Сон	41
Сонет о бессмертии	42
Крутицкое подворье	43
«Стоит истукан у истока...»	44
«Живыми снились всю ночь...»	45
Баллада о стеклотаре	46
Из детства	48
Я уехал, а степи остались	49
Сонет из Танаиса	50
Амфора	51
Артемида Версальская	52
Тянется и тянется зима	53
Любовь	54
Обещание	55
Вот угол комнаты – пространство бытия	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Евтушенко

Время жизни

Книга стихов

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

© А. Евтушенко, текст, 2020

© А. Евтушенко, иллюстрации, 2020

© Де'Либри, издание, оформление, 2020

Нормальное лето

Нормальное лето, жара не убила прохладу,
Дожди проходили, когда их просили об этом.
Под вечер обычно стихали сады и левады,
Клубились туманы. Короче, нормальное лето.
В положенный час поднялись и ячмень, и пшеница,
Не грянула «битва», хотя потрудились на совесть.
И прежние сны мне сумели зачем-то присниться,
И живы остались олени, медведи и совы.

Ракеты в озоне вертели прорехи и дыры,
И танкеры мазали нефтью планктон в океане.
Кричали о мире, но не было твердого мира,
И гибли надежды, как мухи в трактирном стакане.
А лето катилось, нормальное, теплое лето,
И канули в Лету обиды, метели, кошмары.
По-прежнему хлеб и любовь воспевали поэты,
И добрые люди вопросы потомства решали.
Но где-то сжимали оружие детские руки,
И быстро оставили силы «невольников чести».
Мы были в разлуке... Ты помнишь, мы были в разлуке,
А нынче мы вместе, любимая, нынче мы вместе.
Нам август прозрачный такую любовь напороочил,
Что жить бы и жить без оглядки на праздник вчерашний.
Нормальное лето. Разложены чувства построчно.

Нормальное лето. Как страшно, родная, как страшно.

В Ленинграде

Купить вина, сварить глинтвейн,
И – зиму напролёт.
Пока по ледяной Неве
Метелица метёт,
Пока в медальное окно
Заглядывает тьма,
Хлебать горячее вино
Для бодрости ума.
И временем не дорожить,
И денег не жалеть.
И наблюдать, как снег лежит.
И умирать не сметь.

Январь 1986

Агорафобия

Одолевая белое пространство
под первобытным небом января,
увидел, как созвездия горят
за вогнутым пределом наших странствий.

Январь 1985 г.

Вольница

1.

Как по батюшке по Дону
Струги быстрые плывут.
Над казаками в тех стругах
только небо с русским богом.
И под взмахи длинных вёсел
Хлопцы Стенькины поют, –
Песня добрая в пути всегда подмога.
Эх, Россия – мать, мать, мать,
Надоело ждать, ждать, ждать!
Правит нами тать, тать, тать,
Нужно сабли брать, брать, брать.
Правит нами вор, вор, вор.
От морей до гор, гор, гор
Нищета да мор, мор, мор.
Будет разговор.

2.

Разговор случился славный, –
крови вытекла река.
И по реченьке по этой
Тени стругов заскользили...
Но остался разговор тот
В сердце русском на века:
– Эй, бояре, вы бы лучше нас не злили!

3.

Ох, терпение, терпенье, –
ты и счастье и беда.
Это есть. Ещё б немного
Воли, счастья и покоя!
Даст Господь, казачье пенье
не раздастся никогда
под лихие взмахи вёсел над рекою.

«Где-то на земле в глухом углу...»

Где-то на земле в глухом углу –
Лес до неба или степь до моря.
Звери из простых совсем историй,
Что я сам со временем налгу.
Птица крикнет – чёрное крыло.
Клюв точёный, гордая повадка...
В городе теперешнем не сладко,
если время верить истекло.
Полюблю и доживу до дня
Равнодушной ненависти к смерти.
Кто меня у входа в темень встретит,
Чтобы хоть улыбку перенять?
Лес качнулся, отступила степь,
и до моря сердце бьётся ровно.
Я трамваю брат единокровный –
мне ли за прогрессом не поспеть!

Март 1985 г.

«Полгода до весны. Погода до апреля...»

О. Эмдиной

Полгода до весны. Погода до апреля –
Голодные ветра и жадные дожди.
И клёны, и любовь по осени сгорели, –
Их звёзды и глаза чужие подожгли.
Но терпелив как смерть мой друг рыжеволосый,
Он долго будет ждать привычного звонка.
По-прежнему душа не ведаёт износа,
И новая любовь как жало коротка.
Что впереди огни, что позади пожары –
Влюблённым посветить и руки обогреть.
Но в небо над землёй, где нежатся Стожары,
Глазами колдуна не хочется смотреть.
Ах, если бы забыть дорогу и улыбку,
Забраться на чердак с бумагой и свечой.
Подсчитывать года, угадывать убытки.
...А время вдоль реки спокойно вспять течёт.

19-20.10.1984 г.

«Неподалёку от зимних мест...»

Неподалёку от зимних мест,
В час бесконечной полуночи
С треском поленья сосновые ест
Рыжий огонь за дверцей печи.
Рыжий огонь мой, брат мой и друг,
В стужу любую, в январь любой
Сколько разнообразных выюг
Мы пережили вместе с тобой!
Сколько ещё нам предстоит
Рук обогреть, отогреть сердец...
Город продрогший вдоль Дона спит.
Тысячелетью приходит конец.

2-7.12.1993 г.

Предчувствие войны

В синем небе молодой вожак
Журавлей уводит от беды.
Князя ждёт скуластая жена,
Золотую пряжу теребит.
Не вернётся в стольный город князь,
Чёрный ворон сядет на копьё.

В ноябре у нас обычно грязь.
И народ со скуки больше пьёт.

1984

«На кухоньке уютной мы сидим

На кухоньке уютной мы сидим
четвёртый час, четвёртый час.
И уплывает сигаретный дым
Вовнутрь нас, вовнутрь нас.
А за окном открытым ночь темна,
как черновик, как черновик;
и в небе невозможная луна
сдержала крик. Сдержала крик.

По новой!
Нам будет молодость дана
по новой.
Подхватит песенку страна
по новой.
Забьётся сердце и зажётся свет.
Ребята...
Как мы успели жизнь прожить, ребята?
И только дружбой дорожить, ребята,
мы научились, в этом спору нет.

Ещё придут и деньги, и любовь –
не унывай, не унывай.
А чистый спирт опять согреет кровь.
Так наливай, так наливай.

Пускай портвейн глотают пацаны,
им не понять, им не понять
стихов и хлеба истинной цены.
Твою же мать. Твою же мать.

Наш город из палаток и палат
один мираж, один мираж.
Наверно, век двадцатый виноват –
сменил пейзаж, сменил пейзаж.
Не помешают заварить чайку
нам силы тьмы, нам силы тьмы.
Судьба на стрёме. Вечность на чеку.
На страже – мы. На страже мы.

Конец 80-х, Ростов-на-Дону

«Не в осени дело, не в трезвости счастье...»

Не в осени дело, не в трезвости счастье,
когда исчезает любовь в одночасье,
когда обрываются струны и муки,
взлелеянные ожиданьем разлуки.
А струны – уставшая память металла.
А муки... Давай-ка начнём всё сначала.
Попробуем, хватит ли сил и здоровья
Залиться портвейном – не собственной кровью.
Заснуть и уверовать в пьяные грёзы,
В которых Господь справедлив, хоть и грозен.
В которых другая и жизнь, и зарплата.
В которых любовь изначально крылата.
Так выпьем же, братья, стаканы налиты,
кабатчики вновь открывают кредиты,
и, значит, мы стоим и денег, и славы.
Хоть слабо в любви разбираемся. Слабо.

12.12.1993 г.

Вечер во Львове

По-прежнему святая Элижбета
Изменчивое небо стережёт.
Я не благодарю её за это,
Судьба такая – мне опять везёт.
Иначе в этот город возвратиться
Не смог бы я в лихие времена,
Когда легли забытые границы
Меж чашами славянского вина.
Чаруют звуки украинской речи,
И улицы запутывают след
По всем приметам вроде человеческий
(Кто проверял удачу тех примет?).
Над крышей месяц ясный, как улыбка
Любимых губ. И тают облака.
И призрак друга закачался зыбко
Под вывеской пивного погребка.
Сейчас зайду и, взявши пару кружек,
Присяду незаметно в уголке.
И пусть снаружи вечный вечер кружит.
Под песню не на русском языке.

17. 04. 1995 г.

Осень-93

1.

Сусальным золотом горят
кресты на куполах собора,
и ангелов голодных свора
кружит в пространстве октября.
Тоска осенняя теснит
хмельное общество собратьев.
Какая мука – вновь собраться,
покуда смерть меж нами спит!
Приходит чертовщина-ночь
и трогает предметы быта.
Вино дешёвое – сердито,
Но трудно трезвость превозмочь.
Прощай, последняя звезда, –
звенят рассветные трамваи...
Воспоминания о мае
И даром некому раздать.

2.

Пока Россия спорит с Богом,
я озираю этот мир,
как пьяный старенький сатир,
разбивший морду об дорогу.
Не ищет мой звериный взор
ни справедливости, ни счастья;
слова похмельных давних ссор
на ум приходят в одночасье.
Лишь осени прозрачный свет
Чуть слышно душу согревает,
И давний друг прошедших лет
Мои стихи ещё читает.

2.11.1993 г.

«Последняя осень тысячелетья...»

Последняя осень тысячелетья,
Прозрачная, словно мечты новобранца.
Наверное, мог бы на выход успеть я,
Когда бы не полное сердце багрянца.
Когда бы не тяжесть изжитых любовей,
Не черная метка партийной печати,
Покладистый пленник свободы и воли,
Нетленную летопись смог бы начать я.
Мы петь остаемся в двадцатом столетии,
Товарищи игрищ кровавых и строек.
В лицо улыбнутся подросшие дети
Былым королям разудалых попок
И сами возьмутся выращивать стебель
Надежды и веры, любви и пшеницы.
А нам остается лишь блеклая небыль,
Прожитая на пожелтевших страницах.

2000 г.

«Над рекой под названием Осень...»

Над рекой под названием Осень
Взгляда просит московская просинь,
На минутку, на миг, на мгновенье
Возвращается вдохновенье.
Возвращается сердце на место.
Так ушла и вернулась невеста.
Так ушла и вернулась надежда,
Размыкая прозрачные вежды.
Мне бы тоже вернуться в начало,
Чтобы Осень меня укачала,
Пронесла от истока до устья
Все мои беспричинные грусти,
Утопила их в озере-море
Рядом с болью, печалью и горем.

2001 г.

«Под куполом клёна от листьев светло...»

Под куполом клёна от листьев светло
и кажется – можно жить.

Присядем за серым дощатым столом,
в стаканы плеснём миражи.

Раскроются дали, сверкнёт горизонт,
обнимется с телом душа.

– Слышал? Собирает команду Язон.

– Запишемся в кореша!

6 октября 2007 года

Хорошая репродукция Сикстинской мадонны

Вошла в мой дом с ребёнком на руках.
Я усадил, подал воды напиться.
Об окна бились голубые птицы,
за Светлую испытывая страх.
Но я в младенце Бога не узнал.

.....

Больное сердце любит на пределе.
Чудесные еврейские глаза
по-матерински бережно глядели,
и кто-то «здравствуй» за спиной сказал.

1984–1994–2004 гг.

Утро

Не очень крепкий чай,
слегка подсохший хлеб.
Усмешка невзначай,
предчувствие побед.
Любимые черты
знакомого лица.
Да, с чёртом мы на «ты».
Но с Богом – до конца.

1994 г.

«Ну что, мой друг, устал?..»

Г. Жукову

Ну что, мой друг, устал?
Не веришь в небосклон,
В прохладный труд лесов,
Могущество пустыни?
Стихи, как соль времён,
застыли на устах.
Задача для юнцов –
их сохранить отныне.
И кто бы ни срывал
твои колокола
под хохот и пальбу
с высоких колоколен,
любовь, увы, была,
как огненный обвал,
и за судьбу детей и внуков
я спокоен.

«Я видел Босфор. И святая София...»

Геннадию Жукову

Я видел Босфор. И святая София
В глаза мне сияла. Не веришь – не надо.
И солнце – безумная догма софита –
От злого зенита попятилось задом.
А горы брели под огромным богатством
Травы и цветов, можжевельника, сосен
К солёному морю, как стадо, как братство
Разумных животных, которых мы бросим.
На что нам София? В бензиновой гари,
За грязной газетой, за чашкой напитка
Мы гордость и смех у себя отобрали,
Но жирной еды накупили с избытком.
Ах, право, не надо! Ах, право, оставьте!
Давайте-ка лучше сыграем в гитары...
Но солнце швыряет свои мегаватты,
И я – внешне пьяный – внутри просто старый.
А на горизонте сияет София –
Обитель Христа в Магомета пространстве,
И я понимаю, где старт, а где – финиш,
И я обретаю лекарство от странствий:
Надёжные горы, забытая гордость,

И смех наших женщин внизу, на стоянке...
И где-то восточней – грабительский город
Разбит на привычные глазу делянки.

1992 г.

«Я не беру обратный билет...»

Я не беру обратный билет у меня на него вечно денег нет и потом вдруг остаться я захочу там где ветер на окне пробует задуть свечу в мире синем от снов и открытых глаз захочу и останусь но в следующий раз а сейчас приходится уезжать я прошу немного деньжат мне занять и беру билет снова в один конец и возвращаюсь туда где ветра нет какой молодец начинаю работать возвращаю долг и всё никак не возьму в толк отчего не взять мне всё же обратный билет пусть не завтра а через тысячу лет.

Март 2009 г.

У озера

День кончился, как первый поцелуй.
Я не успел продлить ни на мгновение
Закатных красок буйное цветенье
В игре волшебной полусонных струй.

19.05.1984 г.

«Когда деньгам приходит жопа...»

Когда деньгам приходит жопа,
нас не утешит Каллиопа.

А вот когда живёшь богато,
То можно нежиться с Эрато!

5 октября 2007 года

Два двестишья

1.

Покуда личность нам дороже духа,
Наводит страх кромешный смерть-старуха.

2.

Мы на земле хотим небес!
Смеётся Бог. Хохочет бес.

Урок исторического материализма

На стволе «максима» – каннелюры.
Но совсем отсутствует энтазис.
Вам понятно, мастера культуры,
Где надстройка переходит в базис?

19.10.2014

Воспоминание о Солнечной Долине

Слева – море, справа – пиво,
Посредине – достархан.
И жена моя красива,
словно утренний тюльпан.
Хорошо в тенёчке крымском
На подушках возлежать!
Не по-гречески – по-римски
вина спелые хлебать.
Ни заботы, ни тревоги,
ни обиды, ни тоски.
Виноградник у дороги.
Звёзды в небе высоки.

26.01.2011 г.

«Спасибо, Господи, за день...»

Спасибо, Господи, за день.

Спасибо и за год.

За то, что воздух есть везде –

азот и кислород.

Ещё спасибо говорю

за пищу и за кров.

За отгоревшую зарю;

за дружбу и любовь;

здоровье, смелость, первый снег,

последний поцелуй.

За то, что аз есмь человек!

А не моржовый х...й.

14.05.2015 г.

«Кто пришёл, тот и будет жить...»

Кто пришёл, тот и будет жить.
Даже, может быть, не по лжи.
Даже, может, не будет любить –
просто жить, просто рядом быть.

Кто пришёл, тот и будет гость.
Разольёт на глазок по сто,
боль от самых длинных разлук
ближе к ночи затихнет вдруг.

Кто пришёл, тот и будет свят.
Не оглядывайся назад.
А оглянешься – не беда,
можно будет вернуться туда.
Иногда.

20.06.2006 г.

Жене

Каждый раз я прощения прошу,
словно вёдра пустые ношу.

Там, внутри, тихо эхо живёт
от моих непутёвых забот.

От моих недосмотренных снов,
от моих недодуманных слов.

Но из эха не сварить еды.

Принесу два ведра воды.

Хорошо, что под боком река...

Ну прости ты меня, дурака!

25 сентября 2007 г.

«Стиль уже мне не изменить...»

Стиль уже мне не изменить
ни в рисунке, ни в трудном письме.
Так и будешь тянуть нить
во тьме,
как во сне.
Так и выйдет держать сюжет
день за днем среди стихий.
Может, новый купить гаджет,
Записать в нём стихи?
Хрена – гроши лучше пропить-прогулять,
а потом
обойдусь бумагою я опять
и пером.
Вот останется слово на ней,
рядом – силуэт, черта...
Хорошо, если стало кому веселей.
и плевать, если ни черта.

8.05.2007

Сон

– Не плачь, он воскреснет, –
сказала Мария.
И ангел небесный,
как эхо, вторил ей:
– Не плачь, он воскреснет.
Поверь, он воскреснет!
И мы будем вместе.
Мы все будем вместе.
Проснулся.
Надежда. Победа. Спасенье.
Сияло за окнами Воскресенье.

15.04.2012 г.

Сонет о бессмертии

Когда-нибудь придётся умирать
на берегу неведомого моря.
Земное кончилось. Не нас ли ждут герои,
Веслом «Арго» пытаюсь удержать?

Вдоль вереска построенная рать
печальных душ, к сраженью не готова.
И Сатана в предчувствии улова
Имеет случай лучших выбирать.

Но нам не смерть на этих берегах.
Соль времени осела на губах,
сквозь бешеный прибой ныряет лодка;

и небо заслоняет крепкий борт;
и парус ветер призрачный берёт.
И кормчий матом надрывает глотку.

13. 08. 1995 г.

Крутицкое подворье

На Крутицком подворье стоит тишина.
На Крутицком подворье цветёт бузина.
Облака над Крутицким подворьем плывут.
Сквозь века на Крутицком подворье живут.
А внизу, под холмом, протекает река.
Называется так же, как прежде, – Москва.
С тем же именем город вокруг и вовне.
Нипочём бы такой не причудился мне.
Я-то помню, какие цвели тут сады!
Приходи на Крутицкое – вспомнишь и ты.
Приходи. Здесь стоит на часах тишина.
Патриаршью Москву охраняет она.

2.02.2018 г.

«Стоит истукан у истока...»

И.В. Сталину

Стоит истукан у истока
И каменно в душу глядит.
Далёко, далёко, далёко
Добыт его красный гранит
Кайлом, закалённым в горниле
Великих и страшных побед...
Давно мы его не кормили
Озёрами слёз на обед.
Потоками крови на ужин,
На завтрак – восторгом любви.
Не трогай его. Он нам нужен.
Но в будущее не зови.

8.03.2018 г.

«ЖИВЫМИ СНИЛИСЬ ВСЮ НОЧЬ...»

ЖИВЫМИ СНИЛИСЬ ВСЮ НОЧЬ
УМЕРШИЕ ДРУЗЬЯ.
РОЖДЕСТВО!

6.1.2019 г.

Баллада о стеклотаре

Ангел долго трубит по окраинам в микрорайонах,
И хорошие люди ему стеклотару несут:
Молодая старуха, писатель и двое влюбленных
Не на шутку спешат, словно грянул уже Страшный Суд.
Трое суток назад брился ангел – ни больше, ни меньше.
Похмеленный с утра, раздает он святые рубли.
И ласкает глазами красивых откормленных женщин,
Отраженное солнце на пустой стеклотаре рябит.
По пятнадцать копеек за воздух в унылой посуде –
Можно снова купить сигареты, вино, колбасу.
Ангел хмурый, прими, обделенных судьбою не судят,
С нас грехи, как бутылки. Да поставь, не держи на весу.
Грех тяжел городской – пахнет дымом, борщом и
бензином,
Безобразен снаружи и крайне неряшлив внутри.
Ты немного любви и немного терпенья займи нам,
Мы сторицей вернем, только ты не забудь, протруби.
Медный голос рожка бьется в стены бетонных окраин,
Ранним утром в субботу я несу стеклотару, как вор.
Ангел деньги сочтет, нашей неблагодарностью ранен,
И вздохнет глубоко, и со вздохом запустит мотор.
Мотороллер трещит, на ухабах гремит стеклотара,
Отрастает щетина, похмелье навстречу грядет.
И разбуженный город с колхозной деревней на пару

То ли милости божьей, то ли кары божественной ждет.

Из детства

Над стадионом сумерки и снег,
Вершины елей недоступны взору,
И чертит веткой быстрые узоры
На тусклом насте легкий человек.
Снег замечает линии судьбы,
Рисунок лиц и очертанья слова.
Но черная фигурка чертит снова,
Не прекращая с январем борьбы.
Себя узнаю – отзовется смех,
Всплывет из-под сознания наружу.
Я пережил жару, дожди и стужу
И помню всё, и понимаю всех.
И этот снег, что долетел сквозь пласт
Минувшего, сквозь сумерки и лица,
До самой смерти, верно, будет длиться,
А после смерти обретет страницы,
Что кем-то будут прочтены, Бог даст.

Я уехал, а степи остались

Я уехал, а степи остались
Плавить облако в тусклом закате.
На бутон из бетона и стали
Май тяжелые грозы истратил.
Очевидная горечь победы, –
Километры кипят на колесах.
Через год и оттуда уеду
Без успеха, без денег, без спроса.
И на дымной черте горизонта
Усмехнусь в беспокойное небо.
Теплый вечер, начало сезона
И луна, где ни разу я не был.

Сонет из Танаиса

Что делать, если я тебя люблю?
И не имеет к страсти отношенья
Коварное как смех кровосмешение,
Способность мыслить, равная нулю.

Три моря предрекая кораблю
И океан, исполненный терпенья,
Я смело прекращаю песнопенья,
Что делать, если я тебя люблю?

В степи, где трудно спрятать Млечный Путь,
Мне обещали женщину вернуть
Мои друзья, ленивые, как боги.

Перебирали струны и рубли,
Встречали из Эллады корабли,
Которым я не предрекал дороги.

Амфора

Сосуд для вин, вращением рожден.
Да парой рук, измазанных по локоть.
Не бойся, разрешается потрогать,
Он двадцать сотен лет как обожжен.
Он в трюмах длинновесельных триер
Лежал, к воде исполненный презренья.
Он сохранил для нас вино терпенья –
Лекарство сильных в долгий час химер.

Артемида Версальская

Беги, богиня, радости тебе!
Везения в охотничьей забаве.
Рука стрелу в любую цель направит,
А в остальном доверимся судьбе.
Пусть я боюсь и встречи, и любви,
Но буду ждать у старого колодца.
Кто за рекою звонче всех смеется?
Кому кричат: – Лови его, лови!?
Над полем, над поляной, над травой
Мелькают часто голые колени.
И я стою испуганным оленем
С повернутою чутко головой.
Звон тетивы. Охота. Травля. Лай.
И смерть близка... Спасенья нет... О боги!
И нет богов. Березы вдоль дороги.
Луна на небе. Хлеба каравай.

Тянется и тянется зима

Тянется и тянется зима,
Тянется и тянется дорога.
Выжили колдуньи из ума –
Кружат чёрта и пугают Бога.
Встретится обглоданный лесок,
Промелькнет жильё нечеловечье,
Снег летит, летит наискосок,
Километры мертвые навстречу.
А метель заводит разговор,
Мол, тоскливо жить на свете, братец.
Не богат, не славен до сих пор.
И несчастлив, если разобраться.
Не спеши, я постелю постель,
Обниму, утешу, расстараюсь.
Вольная российская метель,
Рядом лягу – теплая, сырая.
Буду верной, нежною женой,
А уснешь – сестрица Смерть разбудит.
Не спеши, поговори со мной,
Все равно другой любви не будет.

Любовь

Работа женщины. Поверю ли теперь
В поспешные определенья чуда?
Порыв любви мы называли блудом
И не считали денег и потерь.
Нагое тело надрывало глотку
И двигалось в кровати, будто в лодке,
Застеленной серебряной парчой.
Вдоль ночи. Раздраженный и ничей,
Но чьей-то наглой славе одногодок,
Я понимал значение червя
И Господа. Червленная заря
Уже как щит вставала на востоке...
Летел по небу ангел синеокий,
На землю улыбался и глядел.

Терпение – сегодняшний удел
Людей, которым не хватило лодок.

Обещание

Л. Романко

Всё будет, подруга, как договорились:
И песни, и деньги, и звезды, и дети,
Иначе зачем мы с тобой появились
На этой безумной, дырявой планете?
Иначе зачем нам судьба подгадала
Короткие встречи и лишние слезы,
Все эти дворы, переулки, подвалы
И ранние вишни, и поздние розы?
Да сколько той жизни, да сколько той смерти –
Всего-то – мгновенье, всего-то – привыкнуть.
Успеть в чьи-то руки и губы поверить
И, может быть, вспомнить, и, может быть, крикнуть.
Так крикнуть, чтоб стало понятно и больно,
Что мы виноваты всегда и повсюду.
Но в низкое небо летят колокольни,
И жены рожают в надежде на чудо.
И песни поются, и деньги стареют,
И дети смеются, и звезды грохочут,
И с каждой минутой разлука острее –
Там кто-то не может, здесь кто-то не хочет,
Но то, что поймут и деревья и звери,
Останется тайной для храброго бога.

А нам остается узнать и проверить:
Живет ли удача, лежит ли дорога.

Вот угол комнаты – пространство бытия

Вот угол комнаты – пространство бытия
Простых предметов, равных по значенью
Улыбке моего второго «я»,
Когда оно следит с привычной ленью
За жалкими попытками схитрить.

Тут зеркало на плоскости стола
Умело передразнивает вазу.
И я готов смеяться раз за разом,
Дотрагиваясь пальцем до стекла, –
Ему нетрудно мир отобразить.

Пузатая бутылка для монет,
Свеча и камень – мрамор настоящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.